

ГАЛИНА СЕРЕБРЯКОВА

Женщины
ЭПОХИ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва - 1958

Галина Серебрякова

ЖЕНЩИНЫ
Э П О Х И
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие А.З.Манфреда

Теруань де Мерикур

Симона Эввар

Манон Ролан

Клер Лакомб

Люсиль Демулен

Елизавета Леба

Мадам Тальен

Жозефина Бонапарт

Симонна ЭВРАР

Был жаркий полдень 12 июля 1793 года. В маленькой узкой столовой приглушенно спорили женщины. Как обычно в последнее время, темой спора являлись способы лечения больного Марата.

Статная, темноглазая, приветливая Симонна Эврар, жена Жан-Поля Марата, беспокоило оглядываясь на низкую дверку, ведущую в ванную каморку, властно заставляла приутихнуть чрезмерно расшумевшихся женщин, лишь только усиливавшийся шум грозил потревожить ее мужа. Разговаривая шепотом, она непрестанно растирала в ступке лекарства, к которым недоверчиво относились остальные две женщины. Лекарства не помогали Марату. Сторожиха дома Мария-Варвара Обэн, складывая свежие, терпко пахнувшие листы газеты «Друг народа», ворчала настойчивее всех. Это была болезненная женщина с одним блеклым, но пронзительным глазом; второй, стеклянный, глаз, грубая подделка, вылезал из-под жидких ресниц,

умерщвляя половину подвижного лица. Разговаривая, Варвара непрерывно ворочала шеей, стараясь поймать в свое суженное поле зрения собеседников. Она отличалась болтливостью, естественной для женщины, проводящей большую часть жизни в привратничке.

Прислуга Марата и Симонны Эврар кроткая Жанетта Марешаль, подобно Варваре, со страхом, обожанием и удивлением относилась к «другу народа», польщенная возможностью говорить с соседями тоном близкого ему человека. Слава последней поры, триумфы Марата делали Жанетту значительной не только в ее собственных глазах, но и в глазах всего квартала.

Несмотря на отличный уход, заботы, непрерывное внимание, Марат был неизлечимо, мучительно болен. Болезнь превратила этого вдохновенного и проникательного вожака масс в беспомощного калеку: он не мог появляться в Конвенте, не покидал своей каморки. Марат умирал и с лихорадочной страстностью набрасывал свои последние статьи.

Тихонько, чуть шлепая мягкими туфлями, Симонна, приготовив лекарство, вошла в чуланчик, превращенный в ванную, — кабинет «друга народа». Грустная и встревоженная, она казалась матерью, идущей на помощь к больному ребенку.

Симонна была прекрасным человеком, и благодаря ей личная жизнь Марата сложилась как нельзя лучше: более верного друга и помощника не мог бы пожелать ни один из якобинских вождей.

В 1790 году Симонна Эврар отдала Марату свое небольшое состояние на издание газеты «Друг народа». Твердая якобинка, Симонна не останавливалась ни перед какими трудностями, стараясь дать возможность Марату вести агитацию с помощью газеты. Все время стремясь быть в курсе всех дел и интересов мужа, Симонна с готовностью бралась за любую работу. Она была одновременно выпускающим, корректором, издателем газеты Марата. Жан-Полю минуло сорок шесть лет, когда он женился на двадцатилетней Симонне. Союз этот был свободным. Симонна не стремилась оформить его гражданской записью. Впоследствии это попиранье законности будет стоить ей многих страданий, «любовницу» Марата станут жестоко травить и оскорблять. Как бы предчувствуя зло-

словие, Марат по собственному желанию написал характерное обязательство:

«Прекрасные качества девицы Симонны Эврар покорили мое сердце, и она приняла его поклонение. Я оставляю ей в виде залога моей верности на время путешествия в Лондон, которое я должен предпринять, священное обязательство — жениться на ней тотчас же по моем возвращении; если вся моя любовь казалась ей недостаточной гарантией моей верности, то пусть измена этому обещанию покроет меня позором.

Париж, 1 января 1792 г. Жан-Поль Марат, «друг народа».

Но Симонна всегда решительно отклоняла «законный брак», веря в прочность чувств своих и Марата.

Скрывая беспокойство, Симонна подошла к Марату. Неверный, дымчатый свет падал сквозь узкое оконце, освещая клетушку. На стенной карте свеженарисованные зигзаги делили Францию на департаменты. Постланная поверх ванны, в которой сидел Марат, белая простыня скрывала исхудавшее, изъеденное язвами тело. Ванна, странной формы, напоминала огромный начищенный черный ботинок. Было жарко и душно. Горячая вода, в которую клали серу, приносящую облегчение больному, быстро испарялась. Пар, сливаясь с испариной тела, пропитывал простыню, шлыл по комнате, оседая на стенах сырыми пятнами. Марат, тяжело глотая воздух, слюнявя пересыхающие губы, вздрагивая от зуда, писал на заваленной бумагами доске, положенной на ванну. Он медленно повернул к жене мокрое лицо, раздутое, разрыхленное и бледное, как тесто. Черные зрачки, точно выведенные по желтой эмали, блестяли страдальчески; из-под белого полотенца, охлаждавшего больную голову, падали черные нити волос. Симонна села на стул близ Жан-Поля. Как всегда в этот час, он прссил корректуру своей газеты, волнуясь спрашивал о делах на фронте, о росте дороговизны.

Марат видел ту огромную опасность, которую таили в себе силы контрреволюции. Он знал, что в самой Франции и за ее пределами аристократия и примкнувшие к ней жирондисты собирают армии против республики.

Страстное желание проникнуть в планы контрреволюции, обезвредить их все время владело Маратом, составляло суть его партийной борьбы. Этому были посвящены все его статьи и зажигательные воззвания последних дней.

Враги платили Марату жуткой злобой, чудовищными, клеветническими измышлениями, его смерть была для них желанной.

Хозяйка гостиницы «Провидение» госпожа Гролле любопытным взглядом окинула и проводила молодую девушку, накануне приехавшую в Париж и остановившуюся у нее. На вид ей казалось лет двадцать пять. Она была невысока и коренаста. Опрятный, непрострый костюм, уверенная, немного тяжеловесная походка и гордо откинутая назад голова придавали ей зазорный вид.

Оживленный город двигался барышние Шарлотте Корде навстречу. Париж насчитывал тогда 700 тысяч жителей и казался огромным по сравнению с ее родным городом Каном, куда летом 1793 года, после изгнания жирондистских вождей из Конвента, бежали, скрываясь от преследований, депутаты Жиронды: Петсион, Барбару, Бюзо.

Нормандский город Кан ничем не отличался от прочих городов Франции, разве только обилием яблонь в садах. На тихих и узких улицах Кана пробивалась трава, скрашивая неприветливость серых старых домов с низкими окнами, грязными подворотнями и крутыми лесенками. Колокольчик проходящей коровы, стук телеги, плач ребенка не часто тревожили городскую тишину.

Оживление, беспокойное и не предвещающее добра, царило только на той улице, где в интендантстве приютились и работали беглые парижане, готовившие борьбу с Конвентом. Охотно и злорадно они подтверждали гражданкам Кана достоверность страшных рассказней о терроре и тирании якобинцев. Потрясенные и восхищенные кумушки, близко наклонив друг к другу негнувшиеся белые чепцы, снова и снова перетолковывали «ужасы».

— Я наверное знаю, — говорила одна другой, — что по всем департаментам уже отобрано сто тысяч, а то и больше, человеческих голов для гильотины; это, знаете ли, вроде налога. Наш город тоже не забыт.

— Святая дева! Правда ли, гражданка, что проклятого Марата лечат человеческой кровью?

Так, подобно мухам, враги, глупцы и недовольные разносили по насторожившемуся городу страшную, как холера, клевету.

На улице святого Иоанна, в одном из наиболее отмеченных временем домов, проживала в ту пору г-жа Бреттевиль.

Редкий случай — все злые городские толки по ее адресу были вполне справедливы. Старая дворянка никак не могла бы прослыть добродушной и щедрой. Жизнь ее протекала в полном одиночестве, в заносчивых чудачествах и нескрываемой злости. Только безвыходная нужда могла принудить кого бы то ни было подняться по невеселой лесенке в ее квартиру.

У Шарлотты Корде д'Армон не было выбора, когда она пришла к г-же Бреттевилль, своей тетке, просить приюта. Не скрывая неприятного удивления, старая дама отвела племяннице комнату в конце своей квартиры, с окнами на запущенный, скучный двор. Разложив скудный багаж, молодая девушка, предоставленная самой себе, могла вновь с горькой грустью передумать пережитое. «Благородное» происхождение г-на Корде д'Армон помогло ему устроить дочь в одном из наиболее аристократических монастырей Франции: девицы дворянских семей, как правило, воспитывались в стенах монастырей.

Шарлотта, однако, избегала блестящего общества; она принадлежала к нему по рождению, но бедность с раннего детства поставила ее вне этого круга, отчего самолюбие девушки, гордившейся родством с великим драматургом Корнелем, непрестанно страдало. Не желая унижаться, Шарлотта искала одиночества и рылась в запыленных библиотечных шкапах. Она много читала, пополняя жалкое литературное образование.

Снедаемая честолюбием, скрытная и упорная, она считала, что предназначена не для обычной судьбы, а для подвига и громкой славы. В таком настроении, покинув монастырь, надменная, болезненно самолюбивая барышня Корде вернулась в семью отца.

Революция, причудливым эхом докатившаяся до деревни, заставила юную аристократку встrepенуться. Она ждала, что воскреснут старые, любимые герои, но как не похोजи оказались санкюлоты на патрициях древнего мира! И она вздрагивала от отвращения и брезгливости к «презренной черни», которая посмела посягнуть на священные для нее титулы, гербы, традиции и предрассудки.

Живая во плоти революция казалась ей отвратительной. Рушилось привычное, почитаемое, и, не в силах понять происходящее, Шарлотта нашла для себя опору в ненависти к «чудовищам Горы», к якобинцам.

Оставив родную семью после ссоры с отцом, Шарлотта очутилась в Кане.

С жадностью барышня Корде слушает сплетни и шепоты о страданиях парижан, отданных на растерзание «людоѳедам-якобинцам». Популярнейшей фигурой, бешено любимой и бешено ненавидимой, был Марат, слишком большой человек, чтобы внушать маленькие чувства. Шарлотта верила всему, что измышляли о нем враги. Мысль о героическом поединке с Маратом смутно начинает мелькать в ее голове.

Когда в борьбе с якобинцами жирондисты потерпели поражение, Шарлотта Корде встретила в Канне с мятежными депутатами Жиронды как со своими естественными сторонниками и почти единомышленниками.

Однако ни Петигон, ни Барбару, вожди Жиронды, не заметили в здоровой и крепкой провинциалке глубокого славолубия и действенного фанатизма. Ничем не выказывая своих настроений, Шарлотта схватывала каждое слово их речей, в которых, клеветая на якобинцев, они призывали граждан к «спасению революции», к походу на Конвент. Шарлотта вместе с родной ей средой мелкопоместного дворянства готова была довольствоваться высокопарной конституцией, ограничивающей монархию. Не случайно ее излюбленной газетой, которую она регулярно читала, был роялистский листок «Друг короля». Демократическая диктатура казалась Шарлотте преступлением против высоких идеалов либерализма.

Пламенное красноречие жирондистов укрепляло ее собственные чувства и накаляло ненависть к «тиранам» и «захватчикам» власти якобинцам. Когда на бугорчатом канском поле 7 июня 1793 года жирондисты устроили неудачный парад своих добровольцев и ничтожная горсточка в тридцать человек продефилировала перед любопытными обывателями, Шарлотта усомнилась в успехе такого способа борьбы. Лицо ее искажилось от разочарования: Петигон, стоявший рядом, взглянув на Шарлотту, спросил шутливо, не любит ли и не оплакивает ли она кого-нибудь из тридцати. Шарлотта окинула его удивленно-презрительным взглядом: она никак не могла привыкнуть к тому, что ее считали бесцветной посредственностью — всецело во власти маленьких женских слабостей. Можно предполагать, что именно после жалкого смотра жирондистских волонтеров на канском поле, показавшегося ей смотром мужской трусости, Шарлотта окончательно определила свою роль и решила на террористический акт против Марата. Наивность под-

сказывала ей надежду, что смерть Марата будет концом революции «черни». Она смотрела на разворачивавшуюся гигантскую историческую схватку глазами монастырских наставниц, офицеров, расквартированных в Кане, и общества, в котором вращалась тогда госпожа Бреттевиль. Громовые удары классовых битв сплотили ее с этими людьми, которые подчиняли ее своим традициям, интересам и мировоззрению. Они вложили в нее злобу к якобинцам и слепое бешенство против Марата; подчиняясь силе этого неодолимого классового гипноза, она взялась за осуществление своего страшного плана.

Тщательно, как всегда, одетая, Шарлотта отправилась в интендантство на прием к Барбару. Она обратилась к нему с просьбой дать ей рекомендательное письмо в Париж, к члену Конвента, которого якобы хотела просить о помощи своей обедневшей подруге. Барбару дал ей рекомендацию.

Придумав предлог отъезда, она холодно прощается с г-жей Бреттевиль, которой сумела не стать помехой, с театральной почеркнутостью раздаст свои рисовальные тетради соседским детям и, захватив небольшой сундучок, усаживается в полинявший грязный дилижанс, идущий в Париж.

Плохо кормленные лошаденки по пыльным дорогам медленно влекут тряскую карету. Потные пассажиры, перебивая дремоту, хвастливо рассказывают о дорожных нападениях, которым они подвергались В лесах бродят вооруженные отряды. Часто это просто грабители, но иногда и обездоленные бедняки, которые, как и крестьяне из Вандей, нищие, голодные и темные, верившие обещаниям монархистов и церковников, выступили на защиту короля и теперь скрывались в лесах. На лесных перегонах разговор становился неуверенным, шорохи и падающая ветка вызывали панику, визг женщин, слезы детей и растерянные возгласы мужчин. Едва опасное место остается позади, разговоры оживляются и завязываются знакомства. Шарлотта привлекает внимание двух-трех молодых людей. Один из них на другой день, к концу путешествия, делает ей брачное предложение.

Детали этой поездки Шарлотта иронически описала в письме к жирондисту Барбару, прячущемуся в Кане.

11 июля, в четверг, выйдя из дилижанса в Париже, Шарлотта отправляется на улицу Вьё-Огюстен в рекомендованную ей гостиницу «Провидение». Слуга отводит ее в комнату № 7.

И вот цель достигнута. Шарлотта в Париже, в городе, о котором она так много слыхала. Против ее ожидания, парижане не казались запуганными и изможденными. Нигде на улицах не было следов крови или зверств. Но Шарлотта оставалась недоверчивой и враждебной: в спокойных лицах окружающих ей чудилась мольба о спасении. Однако, прислушиваясь, она не удавливала нигде сочувственного слова о жирондистах: казалось, их уже забыли, хотя судебный процесс над ними еще не начинался.

Верньо, Бриссо были в тюрьмах, остальные бежали и скрывались; лишь несколько наиболее лояльных оставались на скамьях Конвента. К одному из уцелевших, к депутату Ланс-Дюперре, направлялась Шарлотта в надежде добиться под любым предлогом пропуска в Конвент на заседание. Не зная об ухудшении здоровья Марата, Шарлотта Корде хотела убить его публично в Конvente.

Ланс-Дюперре отнесся к показавшейся ему наивной провинциалке с большим вниманием, так как Шарлотта передала ему письмо Барбару. Выслушав ее вымысел о страданиях находящейся в Швейцарии подруги, он обещал помощь. От него же она узнала, что Марат не выходит из своей квартирки. Желание Шарлотты убить «друга народа» в Конvente тем самым становилось невыполнимым. Прощаясь с любезным депутатом, Шарлотта, не посвящая его в свой план — уничтожением Марата открыть дорогу контрреволюционному наступлению на Конвент, — тем не менее не смогла удержаться от патетических восклицаний, которых Ланс-Дюперре не понял как следует: «Бегите, бегите еще до завтрашнего вечера... Примите мой совет. Вы бессильны в Конvente, бегите и соединитесь с друзьями в Кане».

В субботу, на рассвете, Шарлотта снова вышла из гостиницы «Провидение», направляясь в Пале-Рояль. В шесть часов утра просыпался далекий Кан, но мирно спал Париж. Магазины были закрыты, и в ожидании пробуждения города Шарлотта сидела на каменной скамье под аркой. Часом позже она зашла к ножовщику и выбрала кухонный нож с черной рукояткой, в бумажном футляре, за который заплатила 40 су. С ножом, спрятанным на груди под кружевом блузки, Шарлотта подошла к извозчику, предложив ему ехать к Марату. Выслушав адрес, извозчик двинулся на улицу Кордельеров. В очень узенькой улочке было полутемно, и дом, под сводами которого жил Марат, казался особенно убогим и мрачным. Стараясь сохранять невозмутимость,

внутренне любясь собой, Шарлотта взшла на первый этаж и потянула звонок. На площадку перед дверью проникал через оконце, выходящее на лестницу, сложный аромат кухни.

Дверь отворила Симонна Эврар. Она разглядывала Шарлотту с подозрительной внимательностью. Тщетно посетительница настаивала на необходимости видеть Марата. Никакие уговоры не могли заставить Симонну нарушить покой мужа. Тогда Шарлотта отдала заранее приготовленное, искусно составленное письмо, в котором писала: «Я приехала из Кана. Вы, руководясь любовью к народу, безусловно найдете желательным ознакомиться с подготовляющимися там заговорами. Я ожидаю ответа». Желая проникнуть к Марату, Шарлотта блестяще сумела притвориться и с неподражаемым хладнокровием разыграть роль его сторонницы. Любая ложь, какое угодно коварство кажутся ей естественными, и она действует с непринужденностью, побеждающей подозрения.

Отложив убийство до вечера, Шарлотта вернулась в гостиницу. Запершись в своей маленькой, скудно обставленной комнатке, она пишет завещания-письма. Одно из этих посланий озаглавлено: «Призыв к потомству». В нем монархистка Шарлотта Корде изложила свою убогую политическую философию, наскоро усвоенную ею в Кане от жирондистов, и в обычном для эпохи трескучем риторическом стиле пересказала то, что твердила ежедневно монархическая и жирондистская пресса.

Желая возвысить в глазах потомства значение своего намерения, Шарлотта писала:

«О Франция, спокойствие твое зависит от исполнения законов; я отнюдь не нарушаю их, убивая Марата, осужденного вселенной; он стоит вне закона».

Дописав письма, она переделалась, спрятала нож под модную в те годы косынку на груди и на случай, если опять не будет принята Маратом, набросала записку следующего содержания:

«Я написала вам, Марат, сегодня утром; получили ли вы мое письмо, смею ли я надеяться на минуту внимания, если вы его получили? Я надеюсь, что вы не откажете мне, принимая во внимание тот интерес, который имеет это дело; достаточно того, что я очень несчастна, чтобы иметь право на вашу защиту».

Вечером извозчицья карета привезла ее опять на ули-

цу Кордельеров, дом № 20. Заслышав отрывистый, энергичный звонок, Жанетта Марешаль, с жирной ложкой в руке, побежала открывать дверь. В дверях стояла девушка в изящном коричневом платье и высокой черной шляпе. Помня наказ не тревожить больного бесцельными посещениями, Жанетта загородила дорогу. Ей помогала в этом Барвара Обэн, но Шарлотта, перебиваемая женщинами, решительно настаивала на приеме. На шум и споры в прихожую вышла Симонна Эврар, она узнала приходившую утром посетительницу и предложила ей подождать в столовой ответа Марата. Кроме женщин, в комнате находился комиссионер газеты Марата Лоран-Ба, принесший бумагу для помещавшейся тут же типографии «Друга народа».

Очень скоро Симонна принесла утвердительный ответ и пропустила Шарлотту к Марату. Прикрыв дверь, она вышла в прихожую, но, что-то вспомнив, опять вернулась в ванную, захватив с собой графин с водой для больного. Уходя, Симонна задала несколько незначущих вопросов мужу и взяла пустую тарелку с окна. Марат остался наедине с Шарлоттой, которая, не возбуждая подозрений, уселась на жесткий стул возле ванны. Она внимательно осматривала Марата, вдохновляя себя на убийство. Марат был болен и слаб — тем легче его убить. Дрожащим голосом, с лицемерными слезами на глазах Шарлотта заговорила о контрреволюционной работе восемнадцати жирондистских депутатов Конвента в Кальвадосе. Увлекаясь своей ложью, она описывала Марату мощные, воинственные, ими навербованные отряды, идущие к Парижу, чтобы освободить столицу от «анархистов». Возмущение Марата, удачно подогреваемое посетительницей, быстро возрастало. «Назовите мне имена заговорщиков», — сказал он и взял перо, чтобы записать их в своей тетради. Шарлотта, удовлетворенная поднимающимся в ней чувством ярости, стала перечислять и без того известные имена. Она патетически возмущалась и с деланной ненавистью проклинала контрреволюционеров. Марат, думая успокоить ее, сказал: «Все они будут гильотинированы». В ту же минуту, отбросив уже ненужные уловки, Корде вскочила, ловко выхватила нож и вонзила его в открытую грудь трибуна. Страшный удар пришелся по сердцу. «Ко мне, мой друг!» — захлебываясь поднявшейся к горлу кровью, вскричал Марат. Глаза его потускнели и закатились. Вода ванны стала пунцовой. Почти инстинктивно, не глядя на жертву, убийца бросилась к двери. Ей на минуту

преградили путь Симонна, бежавшая на хриплый зов мужа, Варвара Обэн и Жанетта Марешаль. Они пробежали мимо Шарлотты, сразу же понявшие, охваченные нечеловеческим горем и надеждой. Истекая кровью, Марат умирал. В то время как три женщины тщетно пытались спасти его, Шарлотта, забыв о классических образах, бросилась бежать и была уже в прихожей, когда Лоран-Ба, случайно задержавшийся в квартире, догнал, схватил ее и с силой толкнул в комнату. Потеряв равновесие, Шарлотта упала на пол. Тотчас же с лестницы повалили люди, неведомым чутьем уловившие внезапно разыгравшуюся трагедию.

Не было в Париже более знаменитого, более грозного и обожаемого человека, чем Марат. Марат был зорким глазом буржуазной революции, воплощением твердости и борьбы. С большими и малыми горестями, с сомнениями и справедливой жалобой шло к своему вождю третье сословие.

Горе парижской бедноты было теперь беспредельно. Марата громко и единодушно оплакивал народ, так недавно еще венчавший своего друга лаврами и триумфальным шествием.

У дома Марата через час после убийства стояли тысячные толпы. И в то время как кровотечение вдруг прекратилось вместе с биением сердца Марата, Варвара Обэн, не отвечая на вопросы, втолкнула в спальню, куда перенесли тело, привезенного ею доктора. Ее единственный глаз опух от слез, и мокрый стеклянный казался ожившим и зрячим.

Жанетта Марешаль, притихшая и растерянная, отупело смотрела на незнакомых людей, бесцельно переходивших из комнаты в комнату. Мужчины и женщины вытирали слезы, и лица их, искаженные отчаянием, были страшны при неясном свете зажженных ламп и свечей. На улице кучер, привезший Шарлотту Корде, еле выдерживал напор любопытных расспросов. Он едва разглядел свою пассажирку, но теперь весьма охотно описывал ее возбужденной толпе. Всех удивляло, что убийцей была молодая женщина; взрыв бешенства сопровождал утверждение, что это аристократка.

Была уже ночь, когда явился полицейский комиссар Гальяр-Дюмениль и приступил к допросу. Перевести убийцу в тюрьму было нелегким делом: возмущенная толпа требовала самосуда. Видя волнуемую толпу, посылающую ей проклятья, с трудом охраняемая от мести народа, созвавшего величину понесенной утраты, Шарлотта, преиспол-

ненная гордостью, любуясь собой, презрительно сказала: «Несчастные, вы хотите моей смерти за то, что я спасла вас.» Втайне она надеялась услышать возгласы сочувствия и одобрения. Надежды эти не оправдались, и оставалось только свысока думать о «тупоумии черни» и рассчитывать на грядущую оценку истории.

С той самой минуты, как Шарлотта очутилась в тюрьме Консьержери, она тщательно продумывает каждое слово, позу и жест, которые должны были прославить и возвеличить ее имя. Она пишет высокопарное послание к Барбару, где просит, между прочим, Барбару позаботиться о ее родных и недвусмысленно прибавляет: «Я ничего не говорю моим милым друзьям аристократам, память о них я сохраняю в своем сердце».

Отцу она пишет, оставаясь по-прежнему деланно хладнокровной:

«Простите меня, мой милый папа, что я без вашего разрешения распорядилась своей жизнью... Как только у народа раскроются глаза, он будет рад освобождению от тирана. Надеюсь, что вас не будут мучить, во всяком случае я думаю, что вы в Кане найдете защитников. Я прошу вас забыть меня или, вернее, радоваться моей участи,— она прекрасна. Обнимаю мою сестру, которую я люблю от всей души, также всех моих родных, не забывайте стиха Корделя:

Позорно преступление, не эшафот.

Завтра в восемь часов меня судят.

Корде».

Семнадцатого июля 1793 года Шарлотта Корде предстала перед революционным трибуналом. На ней было лучшее из ее платьев и изящный, обшитый лентой чепец, заказанный специально для суда. Изысканным внешним видом она еще раз хотела подчеркнуть свое превосходство, свою принадлежность к аристократии и презрение к «революционной» столь ненавистной ей «черни». Выбранный ею защитник — якобинец Дульсе де Понте Кулан — не явился, так как не был уведомлен о желании обвиняемой.

Лишь в начале заседания суд назначил защитником случайно находившегося в зале якобинца Шово-Логарда. Защита была нелегкой: в залу суда непрерывно доносился глухой ропот толпы, требовавшей смерти убийце. Мертвый «друг народа» стал еще более популярным. Траурные баш-

ты, брошки и повязки с его портретами украшали в эти дни не одну грудь в Париже. Новорожденных называли именем того, кто удостоился вопреки предположениям Шарлотты быть похороненным в Пантеоне. День и ночь в уединенный домик, бывшую часовню, декорированную Давидом, шли бесконечные вереницы желающих поклониться вождю. От гроба Марата народ двигался к зданию суда, требуя головы убийцы.

Шово-Логард, обдумывая свою защитительную речь, сел подле самоуверенно оглядывавшей судей Шарлотты.

Суд начался. Первой свидетельницей вызвали Симонну Эввар. Ее появление было встречено всеобщим сочувствием. Несчастье не сломило стойкость духа революционерки. Огромным напряжением воли сдержав рыдания, «вдова Марата», глядя в упор на Шарлотту, рассказывала подробности его виденного.

Все, что говорила гражданка Эввар, было так правдиво, что Шарлотта не могла прервать ее ни одной из тех подготовленных пышных фраз, которые должны были поразить слушателей.

Высокое мужество, искренность и простота Симонны, ее беспредельное горе еще более подчеркивали ничтожество женщины, убийцы Марата.

Общественный обвинитель резко спросил: «Кто толкнул вас на убийство Марата?» — «Преступления, — громко отвечала подсудимая, — в которых он виноват со времени революции».

Все ответы Шарлотты полны искусственного пафоса. Она словно находится на сцене. Истерическая взвинченность, превосходное позерство маскировали ее слабость.

Во время суда Шарлотта заметила молодого военного, который рисовал ее портрет. Улыбнувшись, она повернула к нему голову и постаралась придать лицу выражение, делавшее ее наиболее привлекательной. Она цеплялась за каждую возможность сохранить свое имя в истории.

Эта двадцатипятилетняя девушка, непривлекательной наружности никогда не вызывала ни чьей симпатии. Она не узнала ни радости любви, ни материнства и озлобилась на человечество и жизнь. Самой большой ее гордостью была принадлежность к аристократии, но со времени революции самолюбие ее непрерывно страдало. Фанатическая монархистка, она искала действительного выхода своей ненависти к происходящему во Франции, а также неудовлетворенному

стремлению выделиться из толпы, привлечь к себе внимание, которого никогда не могла добиться. Ради этого она решила пойти на преступление.

Внешне равнодушно выслушала Шарлотта приговор, который гласил следующее: «Единогласный вердикт присяжных устанавливает, во-первых, что Жан-Поль Марат, депутат Национального Конвента, 13 июля сего года, между 6 и 7 часами вечера, был поражен ножом в грудь в то время, как сидел в ванне, и тотчас скончался от этого удара; во-вторых, что виновницей этого убийства была Мария-Анна-Шарлотта Корде; в-третьих, что это убийство было совершено ею предумышленно и из контрреволюционных соображений. Ввиду этого Мария-Анна-Шарлотта Корде присуждается к смертной казни. Постановляется, что она, одетая в красную рубаху, будет отвезена на место казни, что ее имущество отходит к республике и что сей приговор, по предложению публичного обвинителя, будет приведен в исполнение на площади Революции».

После объявления приговора Шарлотта попросила, чтобы художнику, начавшему ее портрет во время суда, разрешили его окончить в тюрьме.

Гражданин Гойер получил разрешение дорисовать портрет убийцы Марата.

Оставалось лишь несколько часов до казни; все это время Гойер провел в камере смертницы. Она позировала, хвалясь совершенным ею убийством.

После двухчасового сеанса портрет был уже почти готов, и Шарлотта, считавшая себя неплохой художницей, указывала Гойеру детали, требующие изменения. Стук в дверь прервал оживленную беседу, и на пороге появился палач, как всегда безразличный и деловой. Он нес красную рубашку, в которой казнили убийц, и ножницы для того, чтобы отрезать волосы осужденной. «Уже...» — прошептала Шарлотта, но тотчас же, срезав русые недлинные волосы, ниспадавшие по плечам, одну прядь с кокетливой улыбкой протянула художнику в виде благодарности за его работу. Ей хотелось, чтобы Гойер сделал копию с портрета и отправил в Кан.

Полил крупный летний дождь в тот момент, когда шаткая повозочка двинулась к месту казни. Несмотря на ливень, улицы были запружены возбужденной толпой, встречавшей тележку проклятиями. Рассвирепевший народ провожал убийцу Марата бранью до гильотины.

Казнь Шарлотты, удовлетворенно встреченная санкюлотами Франции, сделала ее героиней в глазах аристократов и жирондистов. Петлю, Барбару, Бюзо, Саль, когда весть о смерти Марата дошла до Кана, перевозносили в речах и письмах Шарлотту, в которой будто бы подмечали и ранее черты великой «мстительницы».

13 июля нож монархической террористки, разорвав угасавшее сердце Марата, не нанес губительного удара якобинской партии.

Политические соратники Марата продолжали стойко защищать интересы республики до тех пор, пока это было в их силах.

Любовь и верность памяти Марата и его идеям пронесла до конца своей жизни и Симонна Эввар.

После смерти Марата его жена и верный соратник деятельно принялась за издание сочинений «друга народа».

В ноябре 1794 года она выпустила проспект будущего издания. Однако уже в феврале 1795 года, в пору термидорианского конвента, окрепшая реакция запретила это начинание. Издание сочинений Марата было прекращено.

Позднее, вместе с сестрой Марата, Альбертиной, Симонна встречалась с бабувистами и, возможно, знала о «заговоре равных».

История не сохранила обширных сведений об этой преданнейшей подруге одного из самых замечательных деятелей буржуазной революции французов.

Симонна Эввар более чем на тридцать лет пережила «друга народа». Она умерла в 1824 году, до последнего мгновения оставаясь верной памяти Марата и идеям якобинцев.